

Й Е Н Ш А Ы Н

ЕВРЕЙСКИЙ ПАПА

После Бога — отец.
Моцарт

1

Исаак Ефимович изловчился прожить незаметным сыном, братом, соседом, соучеником и сослуживцем до тридцати семи лет. Его не замечали не столько по причине маленького роста и тихого шепелявого голоса, впрочем, неизвестного большинству, гнездившемуся на пути его невидимой тропки, сколько из предубеждения, появившегося на свет вместе с переносенным, чуть было не удавленным при родах младенцем, приговоренным врачами к замедленному развитию. Не уступая сверстникам в шалостях, Изя мало интересовался собственным мнением: он терялся выбрать игрушку, товарища, любимое занятие и с благодарной поспешностью принимал указание радоваться лопатке из детского садового набора, рисовать бой с вражескими самолетами, ходить за руку с дурным мальчиком, исподтишка выламывающим фалангу мизинца. Школьные педагоги, нацеленные обучать способных прославить их труд, не желали транжирить учебное, тем более внеурочное время на заведомого аутсайдера, не расположенного в строго установленные минуты доложить громким, без изъяна голосом, в чем состоит «непреодоляющее значение» восстания рабов под началом Спартака; какие обстоятельства объединили Бойля и Мариотта открыть газовый закон; какого заблуждения следует избегать в определении основной функции прямой кишки, и потому ставили Изе автоматические тройки. После школы Изя устроился работать на завод в травильню. Нехитрое дело, покрывать железные болванки лаком, а затем купать в кислоте, обеспечило Изю некоторой финансовой самостоятельностью: в четверг он посещал вечерний сеанс кинотеатра «Хроника» и два часа кряду переживал массовые разрушения, вызванные землетрясениями, цунами, смерчами и пожарами. Обеспокоенный общим положением

дел, он спешил домой предупредить об опасности, однако, множество крикливых забот, туго перепопавших большую, малоимущую семью, не оставляли шанс быть услышанным. Потомившись в дверях, Изя отправлялся на антресоли беззвучно оплакивать беды человечества.

Прошло изрядное количество лет, Изя вступил в пору кризиса среднего возраста. Опасное время пришлось на период длительной командировки в уездный филиал. Тамошнему травильщику в глаз угодили брызги кислоты. Доходящая от скуки провинция не церемонилась, в ночную смену Изю выловили пьяные табельщицы, в шутку напоили и принудили к сношению с уборщицей металлической стружки, под настроение, потешавшую подруг публичным показом фирменного номера «яйца в смятку». Прежде Изя не знал близости с женщиной, по его заемному из фильмов представлению, соитие обязывало не мешкая принять дерзновенное решение. На следующий день, с букетом тронутых увяданием гвоздик, он появился в каптерке инструментального цеха делать потаскухе предложение. Потеха длилась полную смену, Изю просили повторить в присутствии новых участников, склоняли к обсуждению деталей будущей семейной жизни, клянчили на выпивку по случаю «помолвки». Навеселившись вдоволь, подменного травильщика оставили в покое, однако, спустя несколько месяцев, когда выяснилось, что непутевая баба в очередной раз нагуляла беременность сроком на криминальный аборт — вспомнили, закричали угрозами, одурачили и насильно женили. Расчет был прост — вытащить из еврейской семьи жениха поневоле средства на вольную жизнь. Выяснилось, что денег нет, да и семьи, в полноценном смысле тоже не оказалось, Изю с облегчением отпустили к жене, снабдив старым деревянным чемоданом, заполненным личными реликвиями: молочными зубами, порванным волейбольным мячом, школьными табелями, первыми состриженными волосиками и прочим сором, собранным за тридцать семь лет невидимого существования в родительском доме. После подписания мятой ведомости в загсе Изя отправился в общежитие, где занимал чуланчик, некогда используемый для хранения хозяйственного инвентаря. Свадебный шабаш, справленный в винарке на месячный оклад Изи, обошелся без его присутствия.

Осенью родилась девочка. Длинноволосая брюнетка, не иначе при вмешательстве тайных сил, походила на ложного отца, смущен-

ного сверх меры новым положением. Пока роженица с малюткой находились в родильном доме, Изя закупил детское белье, одеяльце, соски-бутылки, чрезвычайно выгодно удалось приобрести подержанные колясочку и кроватку. В день выписки, назначенной на полдень, Изя притащился к заветной двери в девять утра и, затаив дыхание, принялся ждать. Не позже указанного времени, на двух таксомоторах, к роддому подкатила компания заводских товаров с дружками-собутыльниками. Прихватив у Изи денег на магарыч и транспорт, не забыв воспрявшую духом мамашу, малютку, они отправились обмывать прибавление. Изя поплелся в свой чуланчик.

В надежде исхлопотать право находиться рядом с дочкой, Изя угождал неугомонной до блядства жене: носил к столу водку, слушал пьяные поучения случайных партнеров жены, терпел скотскую возню за ширмой. С рассветом он стоял под молочной кухней за детским питанием; таскал с рынка продукты накормить прожорливую толстуху; нянчил, купал, забавлял, словом, пошли ему Господь в грудь молоко, быть рассказу про еврейскую маму. С собственной мамой девочке не повезло, оставив восьмимесячную искусственницу на попечение Изи, стружечница загуляла с вербовщиком рабочей силы, прибывшим с ответственной миссией из Севера. Прежде чем отправиться за новым хахалем в край вечной мерзлоты, она уткнулась пьяным ртом в детскую попку, наслюнявила розовой пеной нежную кожу, оторвалась, реванула: «Прости курву мать!» — и исчезла навсегда. Устроенный не отвлекаться от любого доверенного ему занятия, покинутый муж последним обнаружил пропажу. Укачав маленькую Полину, он устроился рядом с кроваткой и беззвучно счастливо захихикал.

2

Полине исполнилось два годика. От папы она знала устный счет до двадцати и большинство букв русского алфавита. Вечерами они забавлялись игрой-угадашкой: открыв заглавную литеру слова, Изя изображал животное, предмет, Полиночка — гадала. Неожиданно, в Изе раскрылся талант к представлению букашек, хищного зверья, различных предметов мебели. К удовольствию дочери, он хрюкал, рычал, вытанцовывал на манер павлина, корячился, подражая осан-

ке стола. Перед сном обстоятельно купались в гигантской кастрюле, купленной по-тихому у начальника заводской столовой. Бережно обтерев и присыпав каждую складочку смуглого тельца, Изя укладывал ребенка в кровать и приступал к чтению, любимому Полей аттракциону. Неожиданно для Изи, составившего программу из собственных детских книжек, привезенных приданым в чемодане, восхищение в театре одного зрителя вызывали неизбежные дефекты речи. Особенно красочно выходили сказочные злодеи, от имени положительных героев Изя наловчился петь.

Пришла зима, а с ней ранняя ночь. Распроцавшись с ясельной воспитательницей, выпускницей педучилища, совсем девчушкой, Изя с Полиной на руках направился в сторону дома. Расчищать снежные завалы, сбивать ледяные надолбы в городке было не принято, приходилось самостоятельно протаптывать узкую дорожку шириной в стопу. Шажок за шажком, крепко обхватив ношу, Изя вышел к техническому пустырю, приданному к дому, что по соседству с флигелем, поделенным на три крохотные однокомнатные квартиры, одна из которых, по документам, продолжала принадлежать беглой жене. Возле пустых контейнеров для мусора их окружила стая бездомных голодных собак, давно утративших базовую связь с определением, относящим обозленные существа к категории друзей человека. Изю затрясло, он находился недалеко от обморока, оплавленный неизвестностью. Больше страшили невидимые животные, те, что сзади, от них доносилось урчание и слюнявые всхлипы. Напротив, в пятисеми метрах, вздыбив шерсть скалил зубы отряд поджарых дворняг в количестве четырех особей средним ростом сорок сантиметров в холке. До нападения оставались мгновения, палачи разогревали свою ненависть, подзуживая друг друга вскриками, прыжками в сторону жертв, развязка откладывалась до первого удара в спину, или в грудь, закрепленного за вожакком. Теряя сознание, сторбленный человечек прижал к груди детскую головку и что есть мочи завопил угрозы из Мойдодыра. Парализованная глотка Изи извергала страшные, не человеческие звуки, призывающие «гадких, грязных и неумытых, полюбоваться на себя». Запрокинув голову он ревел: «Я — великий Умывальник!» — и на воздух взлетали артиллерийские склады. «Знаменитый Мойдодыр!» — дрожала земля и лед превращался в воду. «Умывальников Начальник! И мочалок Командир!!!» — звучало зловещим хором, составленным из голосов про-

роков. Ноги Изи подкосились, он неловко остушился и упал на спину. Тяжелую ртутную тишину нарушило копошение в руках, открыв глаза Изя увидел лицо Поли, освобожденной из тисков-объятий; пустой, словно никого и не было — пустырь. Девочка заворожено смотрела на великого артиста, глаза ее блестели, не умея кричать браво, она прошептала: «Папа, исё!»

Прошло еще восемнадцать лет. Изя сидел в травильне у чана с кислотой. По выцветшим от едких паров стенам ветвилась паутина трещин, объединенных к потолку в жилу, набухшую угрозой обрушения. В день двадцатилетия Поли он готовил сюрприз — альбом, составленный из снимков именинницы, аккуратно вырезанных из оригинала и наклеенных на фотоизображения иных мест и прошлых времен. Вот Полечка детсадовского возраста в костюме Снегурочки, составленном из старых наволочек, на льдине в окружении пингвинов; жизнерадостная пионерка в сыпучей пустыне на верблюде и в венецианской гондоле; выпускница школы с Шоном Коннори на вручении премии Оскар. Десяток наивных коллажей завершал снимок пятилетнего Изи, оседлавшего деревянную лошадку, рядом, в заботливом материнском наклоне, расположилась неожиданно взрослая Полина, студентка института. Закончив мастерить подарок, Изя выудил из смрадного состава болванки, включил сушилку. В ожидании окончания процесса, рассчитанного на два добрых часа, Изя дремал, обычно ему снились мертвые родители и выступления Полины в концертах самодеятельности. Против молчаливых родственников, не замечающих его и на том свете, постоянный сюжет о неизбежном провале дочери вызывал вздрагивания, стоны, необходимое пробуждение в роковую минуту. На этот раз, Изя оказался в непривычном месте, похожем на опустевший конезавод. Пахло сеном, навозом, лошадыми. За спиной, у левого уха раздался приветливый храп, Изя обернулся, перед ним водила изящной головой волшебю появившаяся кобыла. Рассмотрев Изю, она принялась трогать губами мочку его уха, щеку, подбородок, глаза, лоб. Постоянно встревоженный Изя чувствовал себя спокойно, происходящее не вызывало удивления. Тем временем, ворона красавица пошла по кругу, откидывая спутанные пряди, взбрыкивая, заразительно смеясь. Изе захотелось помчать вслед и прижаться к упругому лоснящемуся боку. Словно подслушав его желание, кобыла остановилась, элегантно вытянула передние ноги и улеглась перед мужчиной. Изя видел

себя со стороны: высоким, седым, с подтянутым брюхом. Мужчина гладил животному живот, прикасался к прядущим ноздрям, шее. Встреча завершилась поцелуем, Изе снилось, что он целует женские челоуечьи губы.

Вечером, в узком кругу, после поздравительных тостов и танцев под новенькую радиолу, купленную Изей в долгосрочный кредит, Поля и Олег сообщили, что сегодня, в местном загсе, их назвали мужем и женой. Гуляние обрело дополнительный смысл, растерянный, радостный Изя бегал за выпивкой, открывал простенькие консервы, порывался сказать отцовское напутствие, но все обошлось, как водится, незаметно. Со следующего дня он перебрался в чуланчик общежития, сохраненный за Изей пропиской и деревянным чемоданом, дождавшимся хозяина.

В дальнейшем складывалось без неожиданных поворотов в сюжете: Полина родила сына; мужу, молодому специалисту, выделили двухкомнатную квартиру в новостройке; внука деду не давали, за ним замечалась странность оставлять коляску без присмотра. Окончательно плох Изя стал, потеряв работу, потолок в травильне, по счастью, обвалился на выходные.

В свой последний день Исаак Ефимович обнаружил, что страшное кружится впереди шага, замечает следы, подбирает пылинки, будто не ступал никто раньше, и вновь придумать тропу не удастся. Он крепко прижал к груди порванный волейбольный мяч, шопотом произнес: «Я — великий Умывальник, Знаменитый Мойдодыр...», — и незаметно покинул дом, в котором сделал большее, на что был годен.

От предложения коменданта общежития забрать личные вещи папы Полина отказалась.

